

A black and white close-up portrait of Grace Kelly. Her hair is styled in an elegant updo, and she is wearing a dark, high-collared garment. The lighting is soft, highlighting her facial features.

ГРЕЙС

КЕЛЛИ

КАК СТАТЬ
ПРИНЦЕССОЙ...

Елена Таничева
Грейс Келли. Как
стать принцессой...
Серия «Женщина, покорившая мир»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6696047

Грейс Келли. Как стать принцессой...: Алгоритм; М.; 2014

ISBN 978-5-4438-0630-3

Аннотация

Грейс Келли... Когда смотришь на фотографии времен ее работы с кинорежиссером Альфредом Хичкоком или свадьбы с принцем Ренье III – в полной мере осознаешь, что означает словосочетание «ослепительная красота». Грейс поистине ослепительна: утонченная, совершенная и невероятно аристократичная. Именно так должны выглядеть настоящие принцессы. Однако по рождению Грейс Келли не была аристократкой. И тем не менее вышла замуж за принца и взошла на трон маленького, но настоящего княжества Монако. Все – как в настоящей сказке. Однако у сказок обычно счастливый конец, а в жизненной мелодраме Грейс случилось много драм, да и сама сказка завершилась трагедией. Причины гибели Келли до сих пор не раскрыты: правительство Монако сделало все, чтобы отвести подозрения от ее младшей дочери принцессы Стефании... Но

мелодрама Грейс продолжается до сих пор: ее дети – Каролина, Альбер и Стефания – излюбленные герои желтой прессы, а биографы находят все новые и новые факты из жизни Грейс Келли – одной из самых знаменитых красавиц XX века, женщины, похожей на волшебное создание.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	7
Глава 2	25
Глава 3	33
Конец ознакомительного фрагмента.	45

**Елена Таничева
Грейс Келли. Как
стать принцессой...**

**Пролог
ПРИНЦЕССА ГРЁЗА**

Грейс Келли. Когда смотришь на фотографии времен ее расцвета, времен ее работы с Альфредом Хичкоком, времен ее свадьбы с князем Ренье – в полной мере осознаешь, что означает словосочетание «ослепительная красота».

Грейс поистине ослепительна: утонченная, совершенная и невероятно аристократичная. Именно так должны выглядеть настоящие принцессы. Именно так они никогда не выглядят: отпрыски королевских домов редко бывают привлекательными внешне. Да и отпрыски аристократических семей – тоже.

Грейс Келли по рождению не была аристократкой. Но стала – княгиней. Да, в русской традиции положено называть правителей Монако – князьями. Но на всех европейских языках титул Грейс Гримальди звучал как «princess». Ее называли «Принцесса-лебедь», потому что своим изяществом и сияющей белизной она напоминала эту царственную птицу. Ее называли «Принцессой Грезой», в честь героини пьесы Эдмона Ростана. Она действительно похожа на волшебное создание, а история ее жизни похожа на сказку...

Только у настоящих сказок всегда хороший конец.

В истории Грейс сказка завершилась трагедией.

Глава 1

ГАДКИЙ УТЕНОК: ТОЛСТУШКА, ДУРНУШКА, ОЧКАРИК

Грейс Патриция Келли родилась 12 ноября 1929 года в Филадельфии. Ее отец, Джек Келли, был родом из многолетней ирландской семьи, начинал как каменщик, но к моменту рождения Грейс был уже практически миллионером. Даже биржевой крах не слишком подточил благосостояние семьи. Ее мать, Маргарет Майер, была из семьи немецких эмигрантов. Их с Джеком соединила страсть к спорту: Маргарет увлекалась плаванием, Джек – греблей.

Грейс была их третьим ребенком – после дочери Пегги и сына Келла. Следом за Грейс родилась еще одна сестра, Лизанна.

Из четырех детей Келли, Грейс была самой «неудачной». В этом спортивном семействе царствовал культ силы, а Грейс была болезненной и слабой, все время простужалась и хлюпала носом. К тому же она была неуклюжа, во время спортивных игр часто падала и получала травмы. Родители даже немного стеснялись ее – и, вместе с тем, жалели.

Вообще-то, начало ее истории напоминало скорее не сказку про Золушку, а другую знаменитую сказку – «Гадкого утенка» Андерсена. Казалось, Грейси чужая в семье рослых,

здоровых, задиристых Келли. Казалось, ее кто-то подкинул
в их шумное гнездо...

Она была такой тихой. Такой мечтательной. Часами играла в куклы, разыгрывая целые представления. В абсолютном одиночестве – в детстве у нее даже подруг-то не было. Зато кукол для ее представлений нужно было много, и сестры щедро отдавали ей своих. Сами они предпочитали более веселые и подвижные игры на свежем воздухе. А Грейси, дай ей волю, вовсе не выходила бы из своей комнаты.

«В детстве я была ужасно застенчивой, – вспоминала Грейс позже, когда уже стала кинозвездой, – Я настолько боялась людей, что была готова забиться в угол, чтобы только меня не видели. Я была такая неприметная, что меня приходилось снова и снова представлять одним и тем же людям, прежде чем меня начинали наконец узнавать. Я не производила ровно никакого впечатления».

Дома, среди более здоровых, красивых и активных сестер, а тем более на фоне брата, единственного мальчика в семье, Грейс чувствовала себя аутсайдером: худшей, ненужной, нелюбимой.

«Мы всегда соревновались между собой. Соревновались буквально за все, и особенно – за любовь... Я всегда старалась усесться матери на колени и висла у нее на шее, – вспоминала Грейс. – Но меня всегда отталкивали».

Мать Грейс, Маргарет Келли – как ее называли в семье, «Ма Келли» – придерживалась тех взглядов на воспитание,

которые ей привили ее прусские родители. Ее муж мог обеспечить ей прислугу, а всем своим дочкам – великолепные наряды и лучшего парикмахера. Однако Маргарет сама делала всю работу по дому, и окружающих поражало, какие у супруги Джека Келли красные натруженные руки. Маникюром и даже кремом для рук Маргарет пренебрегала. Она гордилась тем, что у нее «мейеровские руки» работающей немки. Она сама стригла своих детей, и настаивала на том, что дети должны представлять перед окружающими в естественном, неприкрашенном виде. Пыталась привить дочерям равнодушие к нарядам, презрение к модницам. Была одержима идеей экономии, постоянно перешивала и перевязывала одежду от старших к младшим. Грейс донашивала платья за Пегги, но Лизанне приходилось еще хуже – она донашивала за Грейс и ходила практически в обносках. Если кто-то из детей неаккуратно вешал одежду, или не дай Бог не убирал снятое сразу же в шкаф, Ма Келли устраивала разнос и накладывала штраф: из 25 центов, выдаваемых в неделю на карманные расходы, вычиталось 10 – значительная сумма для ребенка! За лень, неаккуратность или дерзость она могла отвесить пощечину, а то и отлупить одежной щеткой.

Дочери благоговели перед ней, боялись ее, любили ее... И мечтали о том времени, когда они вырастут и Ма Келли просто придется одевать их прилично. Пегги тайком приносила домой модные журналы и три сестры рассматривали красивых дам на картинках. Они хотели одеваться так же стильно и мечтали о красивых прическах. Но этого надо было ждать. А пока Ма Келли требовала, чтобы у ее дочерей тоже были «мейеровские руки». Постоянно чем-то занятые. Хотя бы вязанием.

«Нам никогда не позволялось сидеть сложа руки, – спустя много лет рассказывала Пегги Келли. – Мы знали, что нам полагается вязать. С трех или четырех лет мы просто были обязаны работать спицами или крючком. И все потому, что мы были немецкими девочками... Мы просто не могли этого не делать. От нас это требовали, и мы подчинялись».

В возрасте пяти лет родители отдали Грейс в закрытую школу, пышно именовавшуюся Академией Успения Пресвятой Богородицы при приходе Святой Бриггиты. Это была обычная монастырская школа, но Грейс повезло: монашки-преподавательницы подобрались все добрые и любящие детей, а подружки-ровесницы – все как на подбор спокойные и ласковые девочки. По крайней мере, в школе ее никто никогда не обижал, хотя училась она плохо и страдала болезненной застенчивостью. Но к плохой учебе монахини были

снисходительны, для них важнее было хорошее поведение и религиозность. А подружки оказались снисходительны к застенчивости Грейс. И за годы, проведенные в стенах этой школы, пугливая девочка просто расцвела.

Именно там Грейс привили ее аристократические манеры, которыми она поражала всех в Голливуде, когда стала взрослой.

Грейс с сестрой Лизанной. 1938 г.

«Возбранилось даже малейшее проявление грубости, – вспоминает мать Доротея, одна из наставниц Грейс. – Мы пытались донести до наших питомиц, что все мы частицы тела Христова, а поэтому неуважение и грубость друг к другу есть проявление неуважения к самому Христу. Мы постоянно подчеркивали это».

Увы, закончить школу ей не удалось: во время очередных каникул, когда Грейс было четырнадцать, ее мать вдруг сочла, что девочка стала уж слишком религиозной. Отец, самый ярый католик, не находил в этом ничего плохого, но мать не хотела, чтобы ее дочь – пусть даже самая неудачная из троих – стала монашкой. Она перевела Грейс в Стивенс-Скул, частное учебное заведение для девочек, основанное еще в годы Гражданской войны, и потому являвшееся «инкубатором» для самых престижных невест. Сестры Грейс, Пегги и Лизанна, не получили такого изысканного образования. Но родители считали, что у здоровых, красивых и спортивных дочек и так не будет проблем с замужеством. А вот больной дурнушке Грейс надо помочь.

С одиннадцати лет Грейс Келли страстно увлеклась балетом. Она ходила на занятия, как одержимая. Но увы, для балетной карьеры она была слишком рослой и... слишком толстой. Да, в подростковом возрасте Грейс была толстушкой.

Некрасивой, застенчивой очкастой девчонкой. Ей исполнилось четырнадцать, другие девочки уже поглядывали в сторону мальчиков, но Грейс казалось, что ее никто никогда не полюбит. Да и мать со своей прямолинейностью заявляла: «Кому может понравиться наша Грейси?» В детстве она часто мечтала о том, как выйдет замуж, какой у нее будет роскошный дом, какие дети. Выбирала картинку в журнале и говорила: «Вот такой у меня будет дом и вот такой сад». Теперь она теряла одну мечту за другой. Балет у нее отняли. И надежд на приличное замужество у такой непривлекательной юной особы тоже не было.

Школьные годы... 12 лет. 1942 г.

«Был такой период между четырнадцатью и шестнадцатью годами, – вспоминала ее мать, – когда внешне она ровно ничего из себя не представляла: вечно хихикающая девчонка с писклявым, слегка гнусавым голоском. У нее всегда были проблемы с носом. От этого ее голос звучал как-то по-особенному. А так как она любила покушать, то это не преминуло сказаться на ее весе. Кроме того, Грейс страдала близорукостью и вынуждена была носить очки».

Особенно остро Грейс переживала из-за слишком плоского бюста. «У нее сложился на этот счет комплекс, – вспоминала одна из школьных подружек Грейс Келли. – Она то и дело массировала грудь, полагая, что от этого она увеличится».

Мать, прежде равнодушная к Грейс, в этот период жизни переживала за нее сильнее, чем за других дочерей. Ей казалось, что Грейси никогда не выйдет замуж. Что судьба ее будет безрадостной. Мать и дочь сблизилась...

«Мне всегда хотелось оберегать Грейс, – расстроганно рассказывала Маргарет Келли. – Наверно, она привлекала мужчин к себе тем же самым, что и меня. Каждый мужчина, который знал ее, начиная с пятнадцати лет... хотел взять ее под крыло».

Впрочем, сестры считали, что Грейс к подростковому возрасту просто научилась манипулировать окружающими. И что помогло ей в этом участие в театральной труппе «Лицедеи старой школы». Пусть для балета она была слишком

рослой и толстой, зато ни рост, ни наружность не мешали Грейс Келли играть характерные роли. Она была прирожденной актрисой!

«Даже добившись успеха, в расцвете красоты Грейс Келли обладала редким даром делать так, чтобы окружающие возились с ней, – ревниво утверждала младшая сестра Лизанна. – Все искренне верили, что она нуждается в помощи, хотя на самом деле это ей совершенно не было нужно. Ей вообще не требовалось никакой помощи. Просто она производила такое впечатление».

...А потом внезапно, как по волшебству, гадкий утенок превратился в прекрасного лебедя.

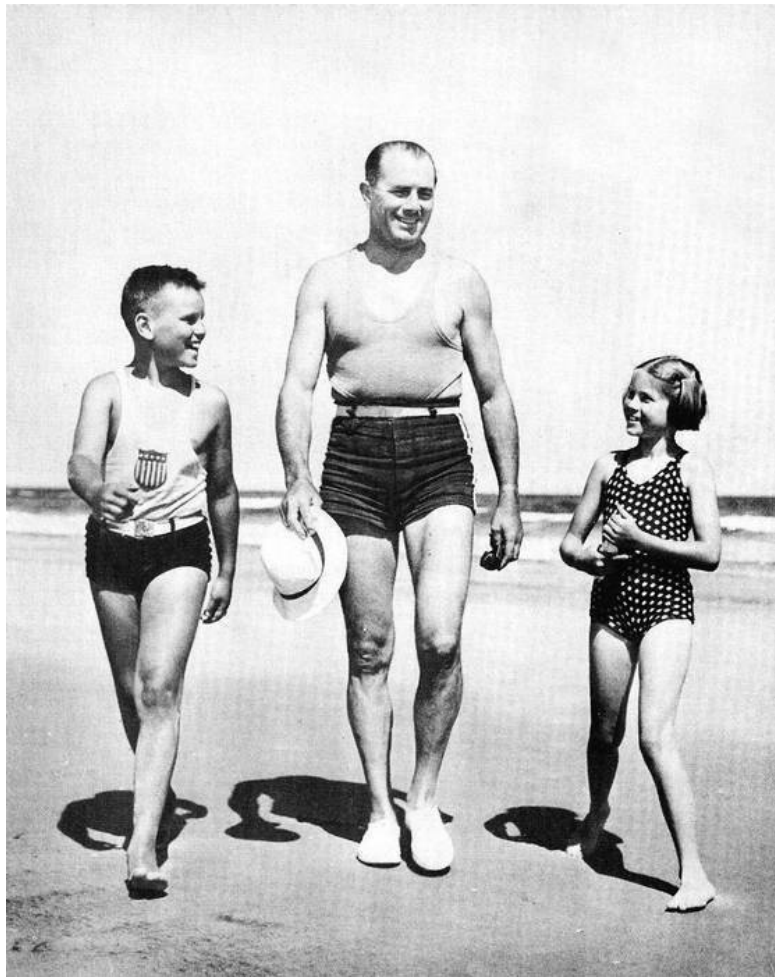
«У нее был прекрасный цвет лица, он был просто потрясающим, такой свежий, ясный, – вспоминал одноклассник ее брата. – Это было ее самой лучшей чертой и никогда не получалось на фотографиях».

Дружная семья Келли

Как-то вдруг оказалось, что из всех сестер Грейс самая красивая. Пегги, когда выросла, стала слишком мужеподобной и грубой, а Лизанна – простоватой. Зато Грейс сияла абсолютным совершенством, удивляя своих родителей и соседей, как юный лебедь в сказке удивлял уток и индюков. Впрочем, стоит заметить, сестры не завидовали Грейс, а напротив – радовались ее преобразению. Они считали, что у них и так всего много: и спорт, и всякие кружки, и мальчики,

а у бедной Грейси до сих пор не было ничего и никого. Пегги и Лизанна были просто счастливы, что Грейси стала хотя бы красивой. И, разорив свои копилки, подарили ей дорогой бюстгальтер с прокладками для увеличения бюста: плоская грудь была единственным недостатком ее изящной стройной фигурки.

Грейс с отцом и братом на пляже

Глава 2

ЛЕБЕДЬ РАСПРАВЛЯЕТ КРЫЛЬЯ. ПЕРВЫЕ УВЛЕЧЕНИЯ. ХАРПЕР ДЭВИС И ДРУГИЕ

За дивно похорошевшей Грейс Келли начали ухаживать молодые люди.

Самый пылкий роман у нее случился с одноклассником брата Чарльзом Харпером Дэвисом. Харпер тоже был из богатой семьи, и роман между «сыном торговца машинами» и «дочерью кирпичного магната» активно обсуждали. Харпер собирался жениться на Грейс.

Грейс еще не забыла те времена, когда она считалась дурнушкой, и этот восемнадцатилетний юноша был первым мужчиной в ее жизни, который обратил на нее внимание. Их любовь была возвышенной и романтической. Молодые люди – в сущности, еще почти дети, – планировали «когда-нибудь» пожениться. Как Грейс когда-то в детстве, они вместе часами рассматривали иллюстрированные журналы, обсуждая: «А вот такой у нас будет дом, а вот такую машину мы купим, а вот такие розы посадим в саду, а вот такую собаку заведем, и у нас будет много-много детей...». Фантазируя, они украдкой обнимались.

Но однажды Грейс резко, без всяких, как ему казалось, причин отказалась с ним встречаться. Харпер был отчаянно влюблен и очень страдал. Он пытался понять: что случилось, что он сделал не так? Но Грейс только плакала, если он пытался с ней заговаривать, а потом и вовсе стала его избегать. Правду Харпер узнал от ее брата Келла. Оказалось, Джек Келли запретил Грейс встречаться с Харпером, считая его слишком мягкотелым, неспортивным и вялым. По такой же причине он запретил и своей старшей дочери Пегги встречаться с Арчи Кэмпбеллом – парень показался ему слабым и слишком бледным.

Молодой актрисе 17 лет. 1947 г.

Шел 1944 год. Харпер Дэвис поспешил записаться во флот, чтобы успеть проявить себя героем, пока война не закончилась. Он думал, что такая демонстрация мужества убедит Джека Келли, что он, Харпер, достойный жених для Грейс. Он получил тяжелое ранение, в результате которого у него возникла прогрессирующая атрофия мышц. Остаток жизни первый возлюбленный Грейс провел в госпитале для ветеранов.

Грейс, казалось, легко пережила разрыв с Харпером. На смену ему пришла черед новых поклонников. «Чем легкомысленнее, тем лучше!» – заявлял Джек Келли. Конечно, он и помыслить не мог, что легкомысленность у молодежи послевоенных лет выражается несколько более фривольно, чем в те времена, когда он сам был юнцом. «Даже не думай, сынок, что тебе удастся жениться на Грейси!» – самодовольно говорил Джек очередному поклоннику, заехавшему за Грейс. Он не догадывался, что поклонник мечтал не о браке с красоткой Келли, а о том, чтобы от души потискать ее на заднем сиденье машины.

После крушения своей первой любви Грейс пустилась во все тяжкие. Сестры даже подозревали, что ее самозабвенный флирт и попытки очаровать все новых и новых парней являются внешним выражением глубоко переживаемой вины перед Харпером... Грейс буквально прославилась своей доступностью. Один из ее кавалеров рассказал в интервью:

«Уверен, что до окончания школы она все еще оставалась девушкой. Однако не сомневаюсь, что все остальное она прошла от и до».

Счастливые минуты детства

Что значило «от и до» в конце 40-х в Америке?

Самый знаменитый из биографов Грейс Келли, Роберт Лейси, писал: «Джермантаунские кавалеры сообщали друг другу о своих нелегких победах при помощи кода. Слово «бюстик» означало, что дерзкая рука побывала под блузкой, но дальше этого не зашло; «Г. Г.» – голую грудь; «П» – палец, от которого затем следовало переходить к более серьезным вещам... В то время настоящий секс все еще считался чем-то вроде священнодействия, а не обыкновенным завершением субботнего вечера. И словечко «петтинг» было лишь робким обозначением несмелого исследования пуговиц, застежек и нежной кожи выше края чулка. Каждый из таких потных подвигов становился предметом беспардонного бахвальства (юноши имели обыкновение обмениваться в спортивных раздевалках новостями и опытом), и потому ни для кого не было секретом, что допускала, а чего нет любая из девушек. Повзрослев, Грейс смеялась над самой собой. Когда она училась в Стивенс-Скул, одним из ее постоянных ухажеров был Чарли Фиш. Он обычно заезжал за ней на старом голубом «форде». Годы спустя Грейс с теплотой отзывалась об этом автомобиле. «Надеюсь, он наконец-таки нашел последнее успокоение на свалке, – шутила княгиня Монако. – Подумать только, какие только истории могло бы порассказать его заднее сиденье!» Однако Грейс никогда не была объектом насмешек или презрения, как дешевая потас-

кушка. Она с самозабвенной легкостью порхала сквозь лабиринты ритуального приближения, однако ее никак нельзя обвинить в неразборчивости. Она ни за что не стала бы заводить роман с первым встречным и всегда старалась произвести хорошее впечатление».

Те юноши, с кем Грейс крутила романы в школьные годы, вспоминали ее не иначе как с любовью и восхищением.

«Она была довольно немногословна, – говорил один из них, Ховард Викофф. – Вместо того чтобы воображать и беспрестанно трещать только о себе самой, как это часто бывает у девушек-подростков, Грейс внимательно относилась к своим кавалерам. И каждый из них начинал чувствовать себя едва ли не королем».

«Если вам хотелось посидеть, она тоже садилась, – вспоминал в интервью другой, Джек Эксле. – Если вам хотелось танцевать, она танцевала. А если вы приглашали ее с собой на вечеринку, она ни за что не стала бы вешаться на шею другому парню. Она была вашей девушкой и оставалась ею».

Особняк в Филадельфии, в котором какое-то время жила семья Келли

Глава 3

«МНОГООБЕЩАЮЩИЕ ЗАДАТКИ». УЧЕБА И СЕКС В БОЛЬШОМ ГОРОДЕ

Родители не сразу поняли, что Грейс проявляет почти преступное легкомыслие. Но в какой-то момент у Джека и Маргарет появилось опасение, что их девочка согрешит до свадьбы. А больше всего они боялись, что Грейс согрешит прямо в их родном городе. О ней уже начали ходить скверные слухи: слишком много свиданий, слишком много разных молодых людей, поездки на автомобилях, загородные пикники, ночные купания... Возможно, именно поэтому Джек Келли так неожиданно для всей семьи согласился отпустить семнадцатилетнюю Грейс учиться в Нью-Йорк, в Американскую Академию драматического искусства.

Единственным условием со стороны матери было – чтобы Грейс поселилась в престижном женском пансионе «Барбизон», куда мужчин вообще не допускали дальше второго этажа.

Грейс была далеко не первой актрисой в своей семье – именно поэтому Джек Келли так снисходительно отнесся к театральному увлечению дочери. Родные брат и сестра Дже-

ка – Уолтер и Грейс – были блестящими комедийными актерами, весьма известными. Более того: Джек назвал свою дочку Грейс в честь своей сестры, которая умерла молодой за несколько месяцев до появления на свет племянницы.

На именном велосипеде

А самым знаменитым представителем богемы в их семье был еще один брат Джека, драматург Джордж Келли. Его пьесы до сих пор идут на сценах США. Дядя Джордж очень любил свою застенчивую племянницу и старался помочь в ее духовном становлении, подбирал книги для чтения, приглашал ее на вечерние чаепития – ее одну из всей семьи! – а Грейс обожала дядю Джорджа: он единственный считал ее не хуже, а лучше других. Возможно, влияние Джорджа Келли тоже сказалось на желании Грейс стать актрисой.

И, кстати, дядя Джордж содействовал тому, чтобы Грейс приняли в Академию драматического искусства: администратор школы, Эмиль Дистель, согласился устроить прослушивание Грейс, хотя набор был уже закончен, только потому, что она являлась племянницей знаменитого драматурга.

Роберт Лейси пишет: «Рукописный журнал регистраций прослушиваний, который велся в Американской академии драматического искусства, содержит запись о том, что Грейс Патриция Келли впервые предстала перед Эмилем Э. Дистелем 20 августа 1947 года. Вес ее равнялся 126 фунтам, а рост без каблуков – пяти футам и шести с половиной дюймам. По цвету волос она была охарактеризована как «блондинка», ее пропорции как «хорошие», а национальность – «американка ирландского происхождения». Запись сопровождалась многозначительной припиской: «Племянница Джорджа Келли»... Эмиль Дистель оценил ее чтение как «весьма осмысленное», а ее темперамент как «чувстви-

тельный». Актерское чутье Грейс удостоилось одобрительного «да». Правда, Дистель придрался к ее голосу: «Не поставлен». Однако это была поправимая беда. Заведующий приемной комиссией проникся к претендентке симпатией. «Очаровательное создание, – заметил он. – Хорошие и многообещающие задатки. Должны неплохо развиться».

SAMPLE

Grace Kelly	
Society of models inc.	
Model Agency 1 East 44th Street	
Size - 12	Bust - 34
Height - 5'9"	Waist - 24
Weight - 120	Hips - 35
Eyes - blue	Hair - 22
Hair - black	Shoe - 6B

SAMPLE

Личная карточка в модельном агентстве (с обеих сторон)

Он не ошибся. Карьера Грейс Келли была быстрой, на удивление легкой и блистательной. Уже во время учебы в Академии она неплохо зарабатывала, снимаясь как фотомоделль. Регулярно появлялась на обложках журналов. Потом ее начали активно приглашать в рекламу – и она рекламировала все, от клопомора до нового сорта пива, от сигарет до омолаживающего крема. Ей неплохо платили за эту работу, а главное – точеное личико с острыми скулами и прозрачными светлыми глазами постепенно примелькалось: Грейс начали узнавать и в приемных театральных импресарио, куда молодые актрисы приходили в поисках работы, и на улице. Грейс единственная из всего курса никогда не сидела без работы. Ее пригласили сначала играть в театре, потом – в 1951 году – сниматься в кино...

Но прежде была учеба. Прекрасные годы учебы в чистом, безопасном Нью-Йорке: Грейс застала тот период, когда в Большом Городе на улицах еще не торговали наркотиками и вообще девушка могла без страха выходить на поздние прогулки.

«Мы могли сидеть вечером в одних пижамах, попивая кофе, – вспоминала Мэри Синклер, учившаяся вместе с Грейс, – и внезапно кто-то говорил: «Пойдемте посмотрим такую-то картину». И мы просто накидывали сверху пальто, прыгали в автомобиль, который я держала на стоянке возле дома, даже не запирая его, и отправлялись в кинотеатр – не переодевая пижам».

Прожив в Нью-Йорке первые пять недель, Грейс писала домой: «Мама, это то самое место, о котором я всегда мечтала!»

А ведь Ма Келли была уверена, что Грейс сбежит назад, в отчий дом, уже через две недели, ведь она никогда не жила одна и так нуждалась в родных... Однако Грейс от души наслаждалась свободой. И ничуть не скучала.

У Грейс сразу же появился любовник. Юноша с ее курса, техасец Херби Миллер, влюбился в Грейс с первого взгляда, в самый первый день своего пребывания в академии: «Моим глазам предстало ангельское создание. Я с первого взгляда безумно влюбился в нее, и, судя по всему, она отвечала мне взаимностью».

Внешне холодная и надменная, кое-кому казавшаяся даже «зажатой» или «заторможенной», Грейс Келли была чрезвычайно страстной женщиной. Быть может, в виде протеста против родительского гнета, а может быть, следуя зову природы, она потеряла девственность еще в шестнадцать лет – Джек Келли и предположить не мог такого кошмара!

Нью-Йорк – город, о котором мечтала Грейс

Первым любовником Грейс стал муж ее старшей подру-

ги. Она как-то пришла к ней в гости, подружки еще не было, она должна была вот-вот вернуться, и тут началась гроза, и Грейс осталась ждать. И, как она потом рассказывала своим подружкам уже в Нью-Йорке, «я сама не знаю, как мы оказались в постели». Видимо, тот неназванный мужчина был хорошим любовником, и Грейс поняла, что ей трудно обходиться без свиданий с ним. Тайных свиданий: она так боялась рассердить родителей и огорчить подружку... Но тот мужчина вел себя с точки зрения Грейс более чем достойно: на людях он едва кивал ей, делая вид, что они почти и не знакомы.

Такой стереотип любовных отношений остался у Грейс на всю жизнь: мужчина не должен показывать свою страсть на людях.

И сама она, настоящая тигрица в постели, на публике держалась чопорной пуританкой и смотрела на своих любовников равнодушным, невидящим взглядом.

Херби Миллер вспоминал, как они с Грейс бежали по лестнице на тринадцатый этаж здания, где располагалась Академия: «Там была устроена комната отдыха, а один угол отгорожен веревкой. Мы с Грейс ныряли под это ограждение и начинали тискаться. В ту пору это называлось «обжиганием» – поцелуи и всякое прочее. Мы, наверное, были похожи на щенят, которые самозабвенно кидаются друг на друга... Мы познакомились еще, в сущности, будучи детьми. Мне известны только ее жизнелюбие и склонность к роман-

тическим увлечениям. Она была очень увлекающейся натурой, не какая-нибудь там холодная статуя из гранита или мрамора, а наоборот – полная тому противоположность. Она излучала какое-то особое тепло, эта земная и любящая веселье девушка!»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.